

И дракон сожрал всех нас: с этими непристойно огромными домами, с этим ненасытным желанием обладать, обладать всегда и несмотря ни на что, с этой потребностью стать собственником или, по крайней мере, чьей-то собственностью.

Д. Г. Лоуренс

Мы никогда не ощущали своей принадлежности к Испанскому дому. Хотя чисто формально, полагая, мы были владельцами этого дома, но право владения подразумевает некий уровень контроля, однако ни у кого из тех, кто знал нас или наш дом, не возникало и мысли, что мы можем хоть как-то контролировать происходившее там.

И несмотря на то что было написано в бумагах, мы никогда не чувствовали, что дом по праву принадлежит нам. С самого начала он казался слишком уж на виду. Мы буквально кожей ощущали устремленные к нему мечты других людей, а еще волны зависти, недоверия, желания, проникающие сквозь стены. История дома не была нашей историей. Не было ничего — даже наших грез, — связывающего нас с ним.

Когда я была совсем маленькой, то думала, что дом — это просто дом. Место, где мы ели, играли, ссорились и спали, — словом, четыре стены, в которых мы пытались обучиться такому непростому делу, как жизнь. И я особо не задумывалась.

Уже гораздо позже я поняла, что дом — это нечто гораздо большее, что он может быть предметом чьих-то

ДЖОДЖО МОЙЕС

желаний, отражением того, какими эти люди себя видят и какими они хотели бы себя видеть, что он может толкать их на самые неблагоприятные и постыдные поступки. Я поняла, что дом — просто кирпичи, известковый раствор, дерево, возможно, клочок земли — может стать наваждением.

Когда я покину родной дом, то буду снимать жилье.

Лора Маккарти закрыла за собой заднюю дверь, переступила через спящую собаку, мирно пускавшую слюни на гравий, и энергичной походкой направилась через сад в сторону калитки. С трудом удерживая одной рукой нагруженный поднос, она открыла калитку и, проворно проскользнув через проем, углубилась в лес, а затем спустилась к ручью, который, как всегда к концу лета, снова пересох.

Раз, два — и она уже прошла по мосткам, которые Мэтт год назад перекинул через ручей. Правда, скоро пойдут дожди, а значит дощечки снова станут предательски скользкими. В прошлом году она несколько раз падала с них, а однажды все содержимое подноса оказалось в воде, настоящее пиршество для невидимых обитателей ручья. Перебравшись на другой берег, она, не обращая внимания на налипшую на подметки жидкую грязь, направилась в сторону лужайки.

Еще теплое вечернее солнце окутывало долину тонкой золотой пылью. Где-то впереди мелькнул дрозд, пронзительно кричали скворцы, темным облаком взлетевшие в небо и снова опустившиеся на деревья в соседней роще. Лора поправила крышку на одной из кастрюлек, откуда

исходил такой густой и вкусный томатный дух, что женщина невольно ускорила шаг и поспешила к дому.

Дом не всегда был столь ветхим, столь непростительно мрачным. Отец Мэтта рассказывал ему об охотниках, собиравшихся на лужайках, о летних вечерах, когда из белых шатров плыла музыка и элегантно одетые пары, пригостившись на каменной балюстраде, пили пунш, а их смех тонул в густой листве. Мэтт еще помнил те времена, когда в конюшнях били копытом лоснящиеся лошади, причем некоторые из них содержались исключительно для увеселения приезжавших на уик-энды гостей, а на берегу озера стоял элинг, специально для любителей гребного спорта. Когда-то Мэтт часто рассказывал ей эти истории, будто желая поставить знак равенства между тамошней жизнью и той, к которой она привыкла в родительском доме, и обещая в будущем компенсировать ей все, что она оставила позади. Возможно, таким образом он хотел нарисовать их будущее. Ей нравились эти истории. Она абсолютно точно знала, как будет выглядеть дом, если придет ее час. Не было окна, которого бы она мысленно не задрапировала, или кусочка пола, которого бы она не покрыла новым ковром. И она твердо знала, какой именно вид на озеро открывается из каждого окна на восточной стороне дома.

Лора остановилась у боковой двери и чисто по привычке полезла в карман за ключом. В свое время дверь постоянно запиралась, но сейчас нужда в этом отпала, ведь все отлично знали: в доме было хоть шаром покати. Дом покосился, а краска облупилась, точно стыдясь говорить о славном прошлом стен, которые она некогда покрывала. Обшивка отвалилась, ее заменили разномастными досками. Гравия на дорожке почти не осталось, а сами дорожки заросли крапивой, немилосердно обжигавшей икры.

— Мистер Поттисворт, это я... Лора. — Она прислушалась.

Сверху донеслось хриплое ворчание. Лора извещала старика о своем приходе исключительно для подстраховки. Притолока до сих пор хранила следы пороха как свидетельство ее забывчивости. К счастью, как говаривал ее муж, старый негодяй был подслеповат.

— Я принесла ваш обед.

Дождавшись ответного ворчания, она поднялась по скрипучей лестнице.

Будучи в самом расцвете сил, она вряд ли нуждалась в передышке после нескольких лестничных пролетов и все же на секунду остановилась перед дверью хозяйской спальни. Но затем, набравшись смелости, со вздохом прикоснулась к дверной ручке.

Окно было приоткрыто, однако уже с порога ей в нос ударило отвратительное амбре немытого старческого тела, смешанное с затхлыми запахами пыльной мебели, камфары и засохшего пчелиного воска. К изголовью кровати было прислонено старое ружье, на маленьком столике стоял цветной телевизор, который они купили ему два года назад. И все же, несмотря на царящее здесь многолетнее запустение, элегантные пропорции и изящные эркерные окна придавали комнате удивительное величие. Хотя посетителям, как правило, редко удавалось оценить ее эстетические достоинства.

— Ты опоздала, — произнес человек, лежавший на резной кровати красного дерева.

— Всего на несколько минут, — с напускной беззаботностью отозвалась Лора. Она поставила поднос на прикроватный столик и выпрямилась. — Мне не сразу удалось освободиться. Мама звонила.

— И чего ей было нужно? Разве ты не сказала ей, что я тут один и умираю с голода?

Лора ответила ему слабой улыбкой:

— Мистер Поттисворт, хотите верьте, хотите нет, но, кроме вас, у нас есть и другие темы для разговоров.

— Спорим, о Мэтте вы наверняка говорите. Типа что там еще у него на уме. Она небось позвонила сообщить тебе, что ты совершила мезальянс, разве нет?

Лора повернулась к своему подносу. Если ее спина немного и напряглась, то мистер Поттисворт вряд ли это заметил.

— Я замужем уже восемнадцать лет, — сказала она. — И не думаю, что мое замужество — это горячие новости.

С кровати донеслось громкое сопение.

— А что там у тебя такое? Спорим, все холодное.

— Куриная запеканка с картофелем. И ничуть не холодная. Она была под крышкой.

— Спорим, она уже успела остыть. Ланч определенно был холодным.

— На ланч был салат.

Из-под одеяла показалась голова в пигментных пятнах, покрытая редкими седыми волосами. На Лору уставились два прищуренных змеиных глаза.

— И зачем тебе такие обтягивающие штаны? Собираешься продемонстрировать мне свои прелести?

— Это джинсы. Сейчас все так ходят.

— Ты хочешь меня завести, вот и все дела. Хочешь, чтобы я сгорал от желания, хочешь прикончить меня этими своими женскими штучками. Черная вдова, вот как называют женщин вроде тебя. Уж кто-кто, а я точно знаю.

Она пропустила его реплику мимо ушей.

— Я принесла вам немного коричневого соуса для картофеля. Положить на край тарелки?

— Я вижу все твои выпуклости.

— Или лучше тертого сыра?

— Через твою майку. Прекрасно вижу. Ты что, решила меня соблазнить?

— Мистер Поттисворт, если вы не прекратите безобразничать, я больше не буду приносить вам обед. Никогда. И перестаньте глазеть на мои... выпуклости. Сейчас же.

— Тогда не смей надевать просвечивающие бюстгалтеры. Вот в мое время уважающие себя женщины носили сорочки. Да-да, сорочки из тонкого хлопка. — Он приподнялся на подушках, артритные руки задвигались в такт воспоминаниям. — Правда, какое-никакое, а удовольствие я тебе обещаю.

Лора Маккарти повернулась спиной к старику и сосчитала до десяти. Она исподтишка осмотрела футболку, пытаясь понять, действительно ли из-под нее так хорошо виден лифчик. На прошлой неделе старик сообщил ей, что у него ухудшается зрение.

— Ты прислала мне ланч с этим своим мальчишкой. Так из него словечка было не вытянуть.

Старик принялся за еду. И комната сразу наполнилась чмокающими звуками, словно где-то рядом засорилась канализация.

— Ну, подростки не слишком-то разговорчивы.

— Грубиян. Вот он кто. Ты должна ему сказать.

— Непременно, — ответила она.

Она кружила по комнате, составляя стаканы и кружки на пустой поднос.

— Днем мне бывает так одиноко. Разве что Байрон приходит после ланча, но он только и умеет, что трендеть о своих треклятых живых изгородях и кроликах.

— Я ведь уже говорила, что к вам могут приходиться из социальной службы. Ну, прибирались бы тут чуть-чуть, болтали бы с вами. Хоть каждый день, если захотите.

— Социальная служба, — скривился он, тонкая струйка соуса потекла у него по подбородку. — Не хочу, чтобы эти прохиндеи совали нос в мои дела.

— Как вам будет угодно.

— Тебе не понять, я ведь один как перст, а это так тяжело... — завел он свою шарманку, и Лора стала привычно думать о своем.

Она наизусть знала весь длинный перечень его невзгод: никто не понимает, как невыносимо жить без семьи, быть прикованным к постели и совершенно беспомощным, отданным на милость чужих людей... Она столько раз слышала вариации на данную тему, что могла продолжить за него сию пространную речь.

— Ведь у такого несчастного старика, как я, никого нет, только ты да Мэтт. И некому передать все свое, лично мне давно не нужное добро... Ты даже не представляешь, как тяжело быть таким одиноким. — Он перешел на шепот и, казалось, вот-вот расплчется.

Она сразу смягчилась:

— Я уже говорила вам: вы не одиноки. По крайней мере, пока мы живем по соседству.

— Вы не останетесь обделенными, когда меня не станет. Ты ведь знаешь, да? Та мебель, что в амбаре, после моей смерти будет вашей.

— Мистер Поттисворт, вы не должны так говорить.

— И это еще не все, ведь я человек слова. И я не забуду, что вы делали для меня все эти годы. — Он покосился на поднос. — Это что, мой рисовый пудинг?

— Нет, это чудесная яблочная шарлотка.

Старик положил нож и вилку:

— Но сегодня же вторник.

— Ну, я решила сделать шарлотку. У меня закончился рис для пудинга, а съездить в супермаркет так и не удалось.

— Не люблю шарлотку.

— Нет любите.

— Спорим, ты здорово порезвилась в моем яблоневом саду. — (Лора сделала глубокий вдох.) — Ты только прикидываешься такой славной. И вообще, постоянно врешь, чтобы заполучить то, чего действительно хочешь.

— Я купила яблоки в супермаркете, — процедила Лора сквозь стиснутые зубы.

— Ты же сама говорила, что тебе было туда не выбраться.

— Я купила их три дня назад.

— Тогда ума не приложу, почему ты не могла при этом купить немного риса для пудинга. Представляю, что думает о тебе твой муженек. Похоже, ты ублажаешь его совсем другим способом. — Он похотливо ухмыльнулся мокрыми губами, и она на секунду увидела его челюсти, впившиеся в куриную запеканку.

К приходу мужа Лора уже успела закончить с мытьем посуды и теперь стояла за гладильной доской, яростно отпаривая и разглаживая воротнички и манжеты его рубашек.

— Все в порядке, любимая? — Мэтт Маккарти наклонился поцеловать жену и сразу заметил ее пылающие щеки, упрямо выдвинутый вперед подбородок.

— Нет, ничего, черт возьми, не в порядке! С меня довольно.

Он снял рабочую куртку с отвисшими от инструментов карманами и небрежно бросил на спинку стула. Мэтт очень устал, и мысль о том, что ему предстоит утихомиривать Лору, приводила его в крайнее раздражение.

— Мистер Пи пялился на ее сиськи, — ухмыльнулся Энтони.

Сын сидел, положив ноги на кофейный столик, и отец, проходя мимо, небрежно спихнул их рукой.

— Он что, и вправду это делал? — напрягся Мэтт. — Придется сходить к нему, сказать пару ласковых...

Лора в сердцах шваркнула утюгом:

— Да сядь ты, не мельтеши, ради всего святого! Ты же его знаешь. В любом случае дело в другом. Он гоняет меня туда-сюда, словно свою личную прислугу. Каждый божий день. И на сей раз я сыта по горло. Реально сыта.

Поняв, что старик от нее не отстанет, она вернулась домой за консервированным рисовым пудингом и, чертыхаясь про себя, снова прошла через лес к большому дому с миской, накрытой чайным полотенцем.

— Холодный, — заявил он, потрогав пудинг пальцем.

— А вот и нет. Я разогрела его буквально десять минут назад.

— Холодный.

— Ну, мистер Поттисворт, если приходится носить еду из другого дома, то странно рассчитывать, что она будет с пылу с жару.

Он неодобрительно поджал губы с брюзгливой миной:

— Все, ничего не нужно. Нет аппетита. — Он сверкнул на Лору глазами. От его внимания не ускользнуло, что у нее дергается щека. А она тем временем на секунду задалась вопросом, можно ли убить человека кухонным подносом и десертной ложкой. — Оставь пудинг здесь. Возможно, я съем его позже. — Он скрестил на груди толстые руки. — Когда не будет другого выхода.

— Мама говорит, что собирается позвонить в социальную службу, — сказал Энтони. — Думает, они с ним справятся.

У Мэтта, который уже успел устроиться на диване рядом с сыном, в голове раздался сигнал тревоги.

— Не глупи. Они сразу определяют его в богадельню.

— Ну и что с того? Пусть кто-нибудь другой с ним возится, проверяет его несуществующие пролежни, стирает ему простыни и кормит с ложечки по два раза в день. Очень хорошо!

Мэтт, почувствовав внезапный прилив сил, сразу вскочил на ноги:

— У него ведь нет денег. Ни хрена. Они заставят его отписать им дом, чтобы оплатить их услуги, разве нет? Женщина, включи голову!

Лора резко развернулась к нему. Она была красивой женщиной, стройной и в свои почти сорок весьма проворной, однако сейчас ее лицо, перекошенное и покрасневшее, стало точь-в-точь как у обиженного ребенка.

— А мне плевать! Повторяю, Мэтт, я сыта по горло.

Он быстро шагнул к ней и обнял:

— Да ладно тебе, крошка. Не сегодня завтра он очутится.

— Девять лет, Мэтт, — уткнувшись ему в грудь, сказала она. — Девять лет я была у него на побегушках. Когда мы здесь поселились, ты утверждал, что он не протянет и года.

— И подумай обо всех этих чудесных акрах, об огороженном саде, о конюшне. Подумай о прекрасной столовой, которую ты так хочешь. Подумай о нас, счастливой семье, на пороге этого дома. — Он дал волю фантазии, пытаясь разбудить ее воображение. — Ну послушай же, старый греховодник прикован к постели. Тает не по дням, а по часам. Он точно долго не протянет, разве нет? А кто у него еще есть, кроме нас? — Мэтт чмокнул жену в макушку. — Кредит мы получим, и я уже попросил Свена сделать чертежи перепланировки. Если хочешь, я тебе потом покажу.

— Ну вот, мама. Раз такое дело, можешь продемонстрировать ему изредка свои сиськи. Убудет от тебя, что ли? — хихикнул Энтони, но сразу заткнулся, получив по уху только что выстиранной футболкой.

— Ну еще немножечко, — вкрадчиво произнес Мэтт. — Да ладно тебе, любимая. Походи к нему еще чуток, а?

Она явно смягчилась, и он понял, что взял над ней верх.

Он сжал ее талию, его пальцы словно намекали, что позже вечером ее ждет некоторая компенсация, уже более

интимного характера. Он почувствовал ответное пожатие ее руки и горько пожалел о том, что, перед тем как ехать домой, сделал заход налево, к барменше из «Длинного свистка». Что б ты скорее сдох, старый прохвост! — мысленно пожелал он мистеру Поттисворту. А то мне долго не продержаться.

А в большом доме, неподалеку от жилища Маккарти, в хозяйской спальне, старик, фыркая от смеха, смотрел комедийную программу. Но когда пошли титры, он взглянул на часы и швырнул газету в изножье кровати.

За окном ухала сова, а вдалеке тьякала лисица, должно быть, охраняла нору. Что люди, что животные — все они испокон веков стремятся за столбить свою территорию, безучастно подумал он. Лора Маккарти, с этими ее обедами два раза в день, возней с чистым бельем, ну и все прочее, ничуть не лучше той самой лисицы. Обе так или иначе метят свой клочок земли.

Ему вдруг страшно захотелось шоколаду. С неожиданной прытью, которая явно удивила бы его соседей, он вылез из кровати и прошлепал через всю комнату к буфету, где прятал лакомства — конфеты и разные вкусности. Он специально давал на них деньги Байрону, и тот от случая к случаю привозил их из магазина. Открыв дверцы, старик долго шарил за книгами и папками, пока не нащупал гладкие целлофановые обертки. Его цепкие пальцы ухватились за что-то, похожее на «КитКэт»; он уже предвкушал вкус тающего шоколада во рту и раздумывал, стоит ли ради такого дела надеть вставные челюсти.

Но сперва он закрыл дверцы буфета. Лоре ни к чему это знать, подумал он. Пусть лучше считает его беспомощным инвалидом. Женщинам ее типа просто необходимо чувствовать, что в них нуждаются. С довольной ухмылкой он вспомнил, как покраснели кончики ее ушей, когда он

обратил внимание на ее джинсы в обтяжку. Ее было крайне легко завести. Самый приятный, можно сказать, кульминационный момент его унылого дня. Завтра, пожалуй, стоит пройтись по поводу ее верховой езды, типа она делает это исключительно ради острых ощущений, ведь подобные замечания всегда задевали ее за живое.

Продолжая глупо улыбаться, старик пошел обратно и неожиданно услышал музыкальную заставку к другому своему любимому шоу. Он поднял голову. И, увлекшись музыкой, не заметил миску с застывшим рисовым пудингом на полу, именно в том месте, куда сам ее и поставил. Наступил старой костлявой пяткой на пудинг, поскользнулся и грохнулся оземь.

По крайней мере, примерно так коронер, по крупинкам реконструировавший последние часы жизни Сэмюэля Поттисворта, изложил дело в суде. Должно быть, его голова стукнулась об пол с таким грохотом, что шум этот можно было бы услышать на первом этаже. Но как справедливо заметила миссис Маккарти, лес поглощает все звуки, а потому многие вещи остаются незамеченными. Ведь в подобном месте может произойти что угодно.

— Скажи «пожалуйста».

Тереза сверкнула на него глазами. Мэтт напрягся. И поймал ее взгляд. Размазанная по щекам тушь придавала ей неряшливый вид. Хотя опять же, Тереза всегда выглядела немного неряшливо, даже в своих лучших нарядах. И это в том числе ему тоже нравилось.

— Скажи «пожалуйста».

Она зажмурилась, у нее в душе явно шла внутренняя борьба.

— Мэтт...

— Скажи. «Пожалуйста». — Он приподнялся на локтях, стараясь не прикасаться к ней. — Ну давай не стесняйся, — спокойно произнес он. — Тебе придется попросить.

— Мэтт, я просто...

— «Пожалуйста».

Тереза вильнула бедрами в отчаянной попытке прижаться к нему, но он резко отодвинулся.

— Ну давай говори.

— О, ты... — Тереза задохнулась, когда он, наклонившись, провел губами по ее шее и дальше по ключицам, его тело, нависшее над ней, словно искушало.

Ее было до смешного легко завести и гораздо легче, чем всех прочих, удерживать на пике страсти. Она закрыла глаза и застонала. Он чувствовал вкус пота, холодной пленкой покрывавшего ее тело. И она оставалась на таком взводе уже почти сорок пять минут.

— Мэтт...

— Скажи это. — Его губы щекотали ей ухо, он буквально замурлыкал, почувствовав аромат ее надушенных волос и мускусный запах любви. Ему хотелось перестать сдерживаться и плыть по волнам страсти. Но еще сладостнее было держать ее под контролем. — Ну скажи.

Тереза приподняла веки, и он понял, что она сдалась. Ее губы раскрылись.

— Пожалуйста, — прошептала она, а затем обхватила его руками, отбросив приличия. — О-о... Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

Сорок пять минут. Мэтт взглянул на наручные часы. А затем одним гибким движением соскочил с кровати:

— Господи помилуй, неужто прошло столько времени? — Он обшаривал глазами пол в поисках джинсов. — Извини, крошка, но мне сейчас надо кое-где быть.

Волосы упали Терезе на лицо.

— Что? Ты не можешь уйти!

— Где мои ботинки? Могу поклясться, что оставил их тут.

Она ошеломленно уставилась на него, ее кожа по-прежнему пылала.

— Мэтт! Ты не можешь меня вот так оставить.

— А! Вон они где. — Мэтт натянул рабочие ботинки, затем потрепал ее по щеке. — Надо бежать. Ты даже не представляешь, насколько это будет неприлично с моей стороны опоздать.

— Опоздать? Опоздать куда? Мэтт!

Он мог растянуть удовольствие еще на две минуты. Хотя мало кто из мужчин был способен это понять. Но иногда осознание, что ты можешь чем-то обладать, приятнее самого обладания. Мэтт, продолжая ухмыляться, легко сбежал по лестнице. И всю дорогу до входной двери ему в спину сыпались проклятия.

Панихида по Сэмюелю Фредерику Поттисворту проходила в деревенской церкви в полдень, небо было затянуто грозowymi тучами настолько плотно, что казалось, будто уже вечер. Сэмюель был последним из рода Поттисвортов. И поэтому, а возможно, потому, что покойный был не самым приятным человеком, народу собралось немного. Семья Маккарти, врач мистера Поттисворта, патронажный работник и стряпчий расположились перед алтарем, слегка рассредоточившись, чтобы длинная деревянная скамья не казалась полупустой.

А через несколько рядов от них, чтобы соблюсти дистанцию, Байрон Ферт, с неподвижно лежащими у его ног собаками, демонстративно игнорировал пристальные взгляды и бормотание сидевших впереди старух. Такое ему было не впервой. Он привык к остракизму общества, с чем сталкивался всякий раз, когда появлялся в деревне, однако со временем научился встречать косые взгляды и перешептывания с каменным лицом. А кроме того, ему сейчас и без того было о чем подумать. Перед выходом из дома он подслушал телефонный разговор своей сестры с ее бойфрендом, и у него возникло стойкое ощущение, будто они с Лили собираются съезжать. В одиночку ему было явно не потянуть арендной платы за дом, а в деревне вряд ли найдется много желающих разделить с ним и его собаками кров. Более того, после смерти старика, похоже, он, Байрон, остался без работы. До сих пор поместье обеспечивало ему постоянный заработок, но все хорошее

когда-нибудь кончается. Он заглянул в газету проверить, не найдется ли случайно какой работы.

Ну а по зову сердца в церковь пришли очень немногие. Миссис Линнет, местная уборщица, взяла себе за правило никогда не пропускать хорошие похороны. Она могла расположить их по рангу, в зависимости от уровня присутствующих, выбора гимнов, качества пирожков с мясом и ветчины, начиная с 1955 года. Она даже пригласила с собой двух женщин, у которых убиралась; и хотя они, собственно, не были знакомы с мистером Поттисвортом, им должна понравиться сама церемония, сказала она викарию. Тем более что Маккарти наверняка выставят хорошее угощение, поскольку миссис Маккарти знает толк в этом деле. Женщины ее типа умеют достойно принять гостей.

Ну и наконец, на задней скамье, делая вид, будто читают сборник церковных гимнов, бок о бок сидели Асад и Генри.

— Нет, ты только посмотри на них! Ишь вырядились и уселись на переднюю скамью, точно они члены семьи, — едва слышно произнес Генри.

— Так им легче демонстрировать скорбь, — ответил Асад, которому из-за высокого роста приходилось сгибаться в три погибели над книгой. — Что ж, она выглядит просто великолепно. И у нее вроде бы новое пальто.

И действительно, красное шерстяное пальто в стиле милитари несколько оживляло мрачные пределы маленькой церкви.

— Они, должно быть, рассчитывают получить кое-какие денежки. Вчера Лора сказала мне, что Мэтт внес первый взнос за одну из этих навороченных тачек с полным приводом.

— Что ж, она заслужила. Быть все эти годы на побегушках у этого негодяя! Я бы не выдержал! — покачал головой Асад.

У Асада было печальное лицо с тонкими чертами, выдававшими его сомалийское происхождение. По словам Генри, его друг при любых обстоятельствах держался с редкостным достоинством. Даже одетый в пижаму с паровозиком Томасом.

— Какого именно негодяя ты имеешь в виду? — пробормотал Генри.

И вот гимн закончился. Старые книжки гимнов с глухим стуком шлепнулись на деревянные подставки, а паства, поерзав ягодицами по скамье, приготовилась к заключительной части службы.

— Сэмюэль Поттисворт, — произнес викарий, — был... человеком... до конца остававшимся верным себе. — Викарий, похоже, слегка запинался. — Он был одним из старейших членов нашего прихода.

— Маккарти давным-давно положил глаз на дом, — тихо сказал Генри и, скривившись, добавил: — Ты только посмотри на него! Сияет как блин масляный. — (Асад бросил на Генри вопросительный взгляд и перевел глаза на сидевшую впереди пару.) — А ты в курсе, что буквально за полчаса до своего появления в церкви он был у той самой Терезы из паба? Перед закрытием Тед Гарнер заходил в магазин за фруктовым мармеладом. Говорил, будто видел его минивэн перед ее домом.

— Может, у нее была для него какая-никакая работа? — Асад явно не желал терять веру в людей.

— А я вот слышал, что он частенько к ней навещается, — надев очки для чтения, заявил Генри.

— Может, ей всего-навсего надо было прочистить трубы.

— Что ж, он известный мастак прочищать чужие дырки.

И они дружно захихикали, но, когда викарий, оторвавшись от своих записей, укоризненно посмотрел на них,

сразу же постарались принять приличествующий ситуации смиренный вид. Вас бы на мое место, словно говорил взгляд священника.

— Но мы вовсе не из тех, кто разносит сплетни, — выпрямившись, произнес Асад.

— Нет. Именно так я и сказал миссис Линнет, когда она зашла за таблетками от головной боли. Старушка приходит за этим добром раз в три дня. Нет уж, увольте, никаких сплетен в моем магазине.

Несмотря на скорбную церемонию, Мэтту Маккарти было трудно сохранять печальное выражение лица. Ему хотелось улыбаться. Ему хотелось петь. Еще утром один из кровельщиков дважды поинтересовался, чего это он, черт возьми, так развеселился.

«В лотерею, что ли, выиграл?» — спросил он.

«Типа того», — ответил Мэтт и со свернутыми в трубочку планами в руках ушел в очередной раз поглядеть на фасад дома.

Все вышло как нельзя лучше. Лора наконец-то перестала тянуть лямку на старого козла, причем надо признаться, в тот вечер Мэтт не на шутку забеспокоился. Если бы она отказалась носить еду мистеру Поттисворту, ему, Мэтту, точно была бы крышка. И действительно, получилось очень удачно. Когда Лора ему позвонила, ее голос прерывался и дрожал от испуга. К счастью, он успел оказаться рядом с ней к моменту прибытия доктора, который и констатировал смерть мистера Поттисворта. Лора прильнула к мужу, искренне считая, что тот захотел поддержать ее в час испытаний, хотя, по правде говоря, в глубине души Мэтт — в чем он бы никогда в жизни не признался — просто не мог до конца поверить, что старый хрыч наконец отбросил коньки.

Служба закончилась. Скорбящие, сбившись в небольшую кучку, вышли в сгустившиеся сумерки. Все явно прикидывали в уме, что же будет дальше. Было ясно как божий день, что никто не собирается проводить старика в последний путь на кладбище.

— Я считаю очень благородным со стороны вашей семьи устроить похороны мистера Поттисворта. — Миссис Линнет дотронулась сухонькой лапкой до руки Мэтта.

— Это самое малое, что мы могли сделать, — ответил Мэтт. — Мистер Пи был нам почти как родной. Особенно для моей жены. Уверен, она будет по нему скучать.

— Да уж, мало кто из людей в преклонном возрасте может рассчитывать на подобное великодушие со стороны соседей, — вздохнула миссис Линнет.

— Интересно, а чем это он заслужил такое отношение? Похоже, Поттисворт действительно был везунчиком.

К разговору присоединился Асад Сулейман, один из немногих мужчин в округе, рядом с которым Мэтт чувствовал себя коротышкой. Помимо всего прочего. При этих словах Мэтт мгновенно встрепенулся, но лицо Асада, как всегда, оставалось непроницаемым.

— Ну, вы же знаете Лору, — сказал он. — Ее семья любит, чтобы все делалось как положено. Для Лоры очень важно соблюсти этикет.

— Мы вот тут гадаем... мистер Маккарти... собираетесь ли вы сегодня, так сказать, помянуть мистера Поттисворта... — Миссис Линнет бросила на Мэтта пытливый взгляд из-под полей фетровой шляпы, две другие старушки стояли с выжидающим видом, прижимая к груди сумочки.

— Э-э... Помянуть?.. Конечно-конечно. Приходите, дорогие дамы. Мы ведь хотим достойно помянуть мистера Пи. А как насчет вас, мистер Сулейман? Вам надо возвращаться в магазин, да?

— Нет. — Рядом возник Генри Росс. — По средам мы закрываемся раньше обычного. Мистер Маккарти, вы будто специально для нас все спланировали. Мы с удовольствием... э-э-э... помянем.

— Мы целиком и полностью в вашем распоряжении, — просиял Асад.

Но никто и ничто не могло омрачить Мэтту сей знаменательный день.

— Отлично, — бросил он. — Соберемся у нас и выпьем за упокой его души. Пойду скажу викарию. Дамы, если подождете меня возле машины, я вас подброшу.

Дом, что построил Мэтт Маккарти — или, точнее, произвел его реновацию на деньги жены, — раньше был небольшим каретным сараем, возведенным на опушке леса в те далекие времена, когда главная дорога, ведущая к Испанскому дому, еще не имела ответвлений. Перестроенный каретный сарай, с его неогеогианским фасадом, высокими элегантными окнами и мощенным камнем передним двором, был выдержан в том же стиле, что и остальные дома в округе. Однако изнутри бывший каретный сарай выглядел вполне современно: со встроенной подсветкой, полами из ламината, просторной гостиной свободной планировки, а также игровой комнатой, где Мэтт с сыном еще несколько лет тому назад играли в бильярд.

Дом Мэтта был расположен на открытой местности, и от Испанского дома его отделял только лес. Деревушка Литл-Бартон, с ее пабом, школой и магазином, находилась в полутора милях оттуда. Однако длинная извилистая дорожка, по которой некогда можно было проехать до ближайшей главной дороги, теперь — заросшая травой, вся в ямах и рытвинах — пребывала в полнейшем запустении, в связи с чем Мэтту с женой требовались хорошие внедорожники, не скребущие брюхом по земле. Время от

времени Мэтту приходилось специально преодолевать самый разбитый участок дороги длиной в четверть мили, чтобы встретить посетителей; пару раз элегантные машины с низкой посадкой в результате лишились глушителя, а Мэтт, отнюдь не дурак, когда дело касалось бизнеса, прекрасно понимал: негоже начинать встречи с извинений.

Он едва не поддался порыву засыпать дорожку щебенкой, но Лора уговорила его не искушать судьбу: «Делай что пожелаешь, когда дом будет наш. Но зачем тратить столько денег ради чьей-то выгоды».

Теперь стол был уставлен бутылками хорошего вина, причем, учитывая количество гостей, хозяева явно перестарались, но Мэтт Маккарти отнюдь не желал прослыть скупердьяем. И вообще, не подмажешь — не поедешь. Мэтт знал это не хуже других.

— Ты видел, как закопали старика?

— Кто-то ведь должен был удостовериться, что он не восстал из мертвых. — Мэтт протянул Майку Тодду, местному риелтору, большой стакан красного вина.

— Скажи, а Дерек еще тут? Я полагал, он предложит мне выставить дом на продажу, как только прояснится дело с завещанием. И хочу тебе сказать, из этой старой развалины можно сделать просто конфетку, правда, понадобится адская уйма денег. Последний раз я был там... э-э... четыре года назад. И дом уже тогда, казалось, вот-вот рассыпется.

— Да уж, он и сейчас не в лучшем состоянии.

— А что там написано над воротами? *Cave*?¹ Будь на чеку, да? Умри — лучше не скажешь.

— Пожалуй, не стоит тебя томить, Майк, — наклонился к нему Мэтт.

— Неужели ты знаешь нечто такое, чего не знаю я?

¹ Берегись! (*лат.*) — Здесь и далее примеч. перев.